

Дмитрий Васильевич Валовой

О чем не думают экономисты

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54975684

О чём не думают экономисты. Научная повесть / д-р экон. наук, проф.

Академии труда и социальных отношений Д.В. Валовой: Алгоритм;

Москва; 2017

ISBN 978-5-906947-29-1

Аннотация

В последнее время получила известность книга «О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами». Но есть вопросы, о которых даже нобелевские лауреаты не догадываются, но которые являются исключительно важными. Так, книга известного российского экономиста Д.В. Валового посвящена актуальной проблеме предотвращения краха мирового хозяйства. Выводы и предложения автор иллюстрирует конкретными примерами, приводит выдержки из своих работ и комментирует письма по этим проблемам, направленные Владимиру Путину, Дональду Трампу и Папе Римскому Франциску I. Повесть написана простым языком, в ней много ярких иронических сравнений и замечаний.

Содержание

Российский Нострадамус[1]	5
От автора: «от Монкретьена к кретинизму»	7
«Экономика абсурдов и парадоксов»	12
«Сталин отменил смертную казнь, а Валовой применил...»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Валовой
О чём не думают
ЭКОНОМИСТЫ.
Научная повесть

© Валовой Д.В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Российский Нострадамус¹

*Никогда не происходило великих потрясений,
которые не были бы предсказаны
Никколо Макиавелли*

В наше время среди немногих отечественных прорицателей трагического развала Советской сверхдержавы был автор этой книги – человек, прошедший войну, партийный журналист и известный экономист. В этой связи процитируем «Российскую газету»:

«Наиболее острый и глубокий критический анализ состояния советской экономики делался, между прочим, не агентами ЦРУ или диссидентами, а на страницах центральных изданий. Прославился своими аналитическими статьями в семидесятые годы заместитель главного редактора “Правды” Дмитрий Валовой. Именно он назвал хозяйственную систему периода развитого социализма “Экономикой абсурдов и парадоксов”».

Подтверждением этого являются сами названия его книг советского периода: «Экономика абсурдов и парадоксов», «Абсурд в квадрате», «От застоя к развалу», «Тайны Оваль-

¹ Это предисловие президента Академии труда и социальных отношений, доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Н.Н. Гриценко к книге «Реформы» ИД АТиСО (2012).

ного зала Кремля». Вывод автора тогда был категоричным: «Если в системе управления экономикой не будут сделаны серьезные изменения, то к середине 90-х годов народное хозяйство развалится. До 2000 года не дотянем!» Развалилось оно еще раньше. После этого лауреат Нобелевской премии В.В. Леонтьев назвал Валового «Российским Нострадамусом». Журналисты использовали этот титул в интервью и рецензиях работ Валового.

Свою принципиальность, честность публициста он не утратил и при новой власти. В феврале 1992 года Дмитрий Валовой опубликовал в «Правде» статью «Гайдаровская “бомба” для экономики», в которой утверждал, что «шоковая терапия» в России побьет все мировые рекорды по спаду производства, росту безработицы и падению жизненного уровня. К сожалению, и на этот раз его прогноз с лихвой подтвердился. Прошло 20 лет, а уровень экономики 1990 года до сих пор не восстановлен.

Особенность научных работ Д.В. Валового в области экономики состоит в том, что в них ставятся не только верные диагнозы экономических недугов, но и предлагаются рецепты для их излечения.

От автора: «от Монкретьена к кретинизму»

История и опыт учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее.
Гегель

Двадцать лет назад в статье «От Монкретьена к кретинизму»² доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, мой верный друг и жена Генриетта Евгеньевна Лапшина предупреждала: «Если гайдаровский погром кафедр политэкономии будет продолжаться и мы ликвидируем эту науку, то к 400-летию трактата Монкретьена “Политическая экономия” в 2015 году мы придем от Монкретьена к... кретинизму».

Погром кафедр завершен. Политэкономия ликвидирована. Сегодня по образу и подобию Запада и в России кретинизм расцвел пышным цветом. Антуан Монкретьен задолго до того, когда пушкинский герой объяснил «почему не нужно золото ему, когда простой продукт имеет», писал: «Не обилие золота и серебра, не количество жемчугов и алмазов

² Правда. 1995. 18 июля.

делают государство богатым, но наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды, у кого их больше, у того и больше состояние... Воистину у нас стало больше золота и серебра, чем у наших отцов, но мы не стали зажиточнее и богаче».

А сегодня кретины включают в богатство не только золото, но и бумажные денежные купюры, облигации и акции. Теперь мы печатаем сколько угодно подобных разноцветных бумажек, но разве мы от этого богатеем?

Интервью о горбачевском «ускорении», которое ускорило развал Советского Союза, я назвал «Абсурд в квадрате». Мне тогда казалось накручивание «воздушного вала» просто безумием. Отсюда и заголовок – не просто абсурд, но «Абсурд в квадрате». Книгу о хозяйственной системе, изданную еще в эпоху Горбачева, я назвал «Экономика абсурдов и парадоксов»³. Но все познается в сравнении. На фоне того, что творят сегодня кретины с экономикой, советские пороки представляются детской шалостью. «Воздушный вал» серьезно снижал эффективность экономики, но он накручивался в производстве. А теперь кретины накручивают фальшивый ВВП всюду и везде – в школах и больницах, в развлекательных шоу и кабаках, храмах и ритуальных заведениях. Своей абсурдностью кретинизм затмил не только науку, но и здравый смысл.

³ Валовой Д. Экономика абсурдов и парадоксов. М.: Изд-во полит. литературы, 1991. 432 с.

В повести показано, что в процессе вульгаризации экономической науки и маскировки вырождения капитализма и либерализма фундаментальные понятия подлинной науки извращены коренным образом. «Рыночная экономика» стала синонимом капитализма, а «глобализация» – синонимом империализма. Неолиберальная система является **экономикой афер и спекуляций**. Ее альфой и омегой является извращенный рынок, в маске которого орудует выродившийся спекулятивно-мошеннический капитализм. Но рынок нынче обожествлен и превращен в «священную корову». Раньше все «давал» Бог, а теперь – рынок.

Экономика афер и спекуляций ныне является «высшим достижением науки». Для ее облагораживания и пропаганды используются высокотитулованные ученые и мощные средства массовой информации. Ярким примером этого является книга «О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами»⁴. Собеседники думают и говорят о всякой всячине. Поэтому проще сказать, о чем они не думают. Ниже я это покажу на конкретных проблемах. Но в целом можно утверждать, что они не думают о подлинной экономической науке, о ликвидации узаконенных афер и спекуляций и о построении социального государства. Центром притяжения их бесед являются свободный рынок и монетаризм.

Преклоняясь перед Западом, наследники Гайдара – Мау,

⁴ О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами. М.: Альпина, 2016. 490 с.

Ясин, Кузьминов и иже с ними – с завидным упорством продолжают монтеристскую политику выталкивания государства из экономики и приватизации всего и вся. Невежество и мошенничество в экономическом образовании поставлены на поток. Главной трибуной распространения крестинизма является гайдаровский форум. Теперь и в России менее 5 % рыночных операций отражают движений товаров и услуг, а 95 % сделок – это аферы, спекуляции и мошенничество. Предлагаемые на этой порочной основе «стратегии» развития «кудринцами» и «столыпинцами» заведомо обречены. Давно доказано, что подлинная наука начинается лишь тогда, когда определен достоверный измеритель. Без меры нет науки. Поэтому без отказа от фальшивого ВВП и категорического запрета узаконенных афер, спекуляций и мошенничества стабилизация и развитие экономики будут недостижимой мечтой.

Мне довелось быть участником всех советских реформ от Хрущева до Ельцина. В меру своих сил я пытался предотвратить развал Советского Союза. Теперь это история. Но я кратко рассказал о ней в повести потому, что это очень актуальная история. Сегодня по этому же сценарию разваливают и мировое хозяйство, что может привести и к краху нашей цивилизации.

Свое виденье путей предотвращения краха я подробно изложил в книгах, статьях и документальных фильмах. В повести я привожу лишь наиболее актуальные ныне выдержки

с комментариями работ за 65 лет научно-практической деятельности.

«Экономика абсурдов и парадоксов»

*Глупец в неведение своем
Разрушит вмиг
То, что таким большим трудом
Мудрец воздвиг.*

«Мысли древних»

«Сталин отменил смертную казнь, а Валовой применил...»

– Вы жили при Сталине. Расскажите вкратце о той эпохе и о себе, – попросили меня в кружке любознательных, который я вел в Академии по субботам вне расписания.

На долю моего поколения выпало немало героических и трагических событий, изменивших ход истории. Важнейшим из них, безусловно, является победа в Великой Отечественной войне, избавившая мир от фашистской чумы. Тревожную юность поколения образно выразил замечательный поэт-блокадник Ленинграда Юрий Воронов:

«В блокадных днях

Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом – паспорта».

Первую медаль я заслужил в 1943 году на трудовом фронте, а паспорт получил восемь лет спустя, после демобилизации.

В любой эпохе есть позитивное и негативное. В одной эпохе превалирует первое, в другой – второе. Властители, желая приукрасить свои заслуги, как правило, выставляли «на свет» все худшее, что отличало время правления их предшественников, однако спустя годы история ставит все на свои места. В социальной жизни эти оценки еще больше осложняются и становятся противоречивее: то, что для одних является позитивным, другие воспринимают как отрицательное явление. Что сказать о себе?

Родился я в городе Белореченске в мае 1927 года. Мой отец, Василий Петрович, в то время работал бухгалтером в железнодорожном депо, а мама, Татьяна Васильевна, была домохозяйкой. Мама – коренная кубанка – не скрывала желания вернуться на хутор. А папа был «иностранцем»: в поисках лучшей доли его родители с Черниговщины перебрались на Кубань. Когда началась коллективизация, из создаваемого колхоза имени Сталина, объединившего 15 хуторов, пригласили папу бухгалтерствовать. Так мы оказались на од-

ном из дальних хуторов Некрасов рядом с хутором Бережной, где жили родители мамы.

Кстати, о хуторах. В начале перестройки много критиковалась сама идея ликвидации неперспективных деревень – читай, хуторов. В этой проблеме много надуманного и спорного. Дело в том, что в абсолютном большинстве их ликвидировала сама жизнь и задолго до того, как стали известными имена академиков, которым приписывается «авторство». Вот представьте наш колхоз – самый большой в районе: из 15 хуторов половина имела от 30 до 50 дворов, а другая половина – от 4 до 10 дворов. Зимой и в распутицу связь малых хуторов с внешним миром прерывалась. А каких трудов стоило провести радио, электричество при такой разбросанности. Хутора, как и города, строились вдоль речек, а некоторые и от речки были удалены на 2–3 километра. У нас протекала небольшая речка Гончарка, впадавшая в реку Белую, приток Кубани. Весной она разливалась сильно, а летом пересыхала настолько, что кое-где приходилось делать заставы, чтобы можно было напоить животных. В этих хуторах были две школы: трех-, четырехклассные. Средняя школа была за шесть километров – в селе Воронцово-Дашковское. Летом и осенью мы ездили туда на велосипедах, а зимой приходилось снимать жилье на месте, неподалеку от школы. Вот так и протекала жизнь до тех пор, пока не грянула война. Известие о войне дошло до нас в тот день, когда мы, как обычно в летние каникулы, работали в колхозе. В каждой брига-

де были детские ясли. Работал общеколхозный пионерский лагерь. 22 июня 1941 года мы на лошадях возили зерно от комбайнов на ток. И здесь во время разгрузки возница, доставивший с хутора воду, рассказал, что по радио передали о начале войны. Кто не связан был с работой комбайнов, поспешили в правление колхоза разузнать все поподробнее. Вскоре отца призвали. В 1943 году ушел в армию старший брат, Алексей, а в 1944 году наступил и мой черед.

Меня, как и многих моих земляков, направили в школу снайперов Северо-Кавказского военного округа, располагавшуюся на окраине Майкопа. Школа эта имела добрые традиции: многие ее выпускники уже были Героями Советского Союза, их портреты украшали ленинские комнаты, где проводились политзанятия. Курсанты жили в бывших конюшнях, так как до войны здесь размещался кавалерийский полк. Деревянные нары в 3 этажа, матрасы и подушки, набитые соломой. Зима была холодная, а «отопление» естественное: согревались, прижимаясь друг к другу. Когда рота выстраивалась на плацу, трудно было представить, как все мы втискивались в эту небольшую казарму. Подъем затемно, в 6 часов. Физзарядка, и умывались ледяной водой в реке Белой. После завтрака – на стрельбище за три километра. После обеда – чистка оружия, теоретические и политические занятия.

Поскольку перелом в войне уже наступил, мы слышали от своих наставников, что, возможно, некоторым из нас посчастливится штурмовать Берлин. Мы по-настоящему меч-

тали о такой возможности. Сразу по окончании школы нас перевезли на Малую землю под Новороссийском. Мы были наслышаны о героизме ее защитников. Но то, что мы там увидели, действительно достойно высоких слов. Сюда на формирование перед отправкой на фронт прибыли выпускники многих других школ и училищ Северо-Кавказского и Закавказского военных округов. Первые весенние месяцы 1945 года были теплыми. Жили в палатках и землянках. Но однажды ночью налетел шквальный норд-ост – такое нередко бывает в Новороссийске. И буквально смел с земли палатки. Многие остались вообще без обмундирования и документов, в землянках мало что уцелело. Практически формирование оказалось парализованным: требовалось время, чтобы восстановить всю документацию, доставить новое обмундирование. Временно нам вернули со складов ту самую амуницию, в которой мы ползали во время учебы. Внеплановая поставка серьезно задержалась, а когда наконец-то повторное формирование завершилось, то наши войска уже окружили Берлин, и там нам, конечно, было уже делать нечего. Такой поворот событий многих ребят очень расстроил, некоторые даже не скрывали слез.

Вскоре нас погрузили в товарняки, и состав направился совсем в другую сторону, куда, не объявили, но мы удалялись все дальше и дальше на юг. Выгрузились в Баладжарах, под Баку. Установили походные кухни, разбили лагерь и дней через десять пешим строем отправились в порт Ба-

ку – на погрузку. Уже на пароходе нам объявили, что плывем в Иран. На первый взгляд, это могло показаться странным: ведь Иран не участвовал в войне. Но дело в том, что договором 1925 года предусмотрено, что в случае угрозы со стороны южного соседа мы имели право ввести туда войска. Как известно, в 1942 году немцы попытались прорваться через Кавказ и захватить азербайджанские нефтяные промыслы, остававшиеся практически главным и единственным поставщиком горючего. Потерять Баку означало резкое ухудшение положения на фронте. Поэтому, несмотря на все попытки гитлеровцев, на азербайджанскую столицу не упала ни одна вражеская бомба. Баку охранялся в этом плане даже надежнее, чем Москва и Ленинград. Кто был в Баку, видел сплошной лес нефтяных вышек, которые располагались буквально в 20–30 метрах одна от другой. В старых нефтяных районах мелкие качалки располагались в 50 метрах одна от другой. В окрестностях города, в районах нефтепереработки нефть текла по улицам. И попади сюда даже несколько бомб, сплошной огненный факел горел бы не один месяц.

После провала кавказской операции немцы решили достичь Баку через Иран. Туда было заброшено много фашистских военных специалистов и ряд подразделений. Число их здесь неуклонно росло. Прибыла и группа высокопоставленных военных чинов, что не могло ускользнуть от нашей разведки. По ее информации, выбрав момент, в одну из ночей армия генерала А.А. Лучинского вошла на территорию Ира-

на. Захваченные в плен немецкие генералы, офицеры и солдаты свидетельствовали о наличии фашистской угрозы. Были приняты меры для защиты Баку с юга. Это имело огромное стратегическое значение еще и потому, что через Иран в Советский Союз шли поставки техники и снаряжения по ленд-лизу.

Пароход доставил нас в Бендер-Шах. Здесь в лагере для карантина мы стали нести первые потери... от тропической малярии. Не обошла она и меня, но, к счастью, санитар, грузивший трупы, обнаружил, что я еще не отдал Богу душу. Очнулся в госпитале в Сари, где дислоцировалась наша дивизия.

В конце войны правительство Мосаддыка попросило у СССР помощи в ликвидации иранской фашистской партии. То была необъявленная акция, и поэтому нас долгие годы не признавали участниками войны. Советские войска покинули Иран, как и обусловлено было договором, через год после окончания войны. Наша дивизия морем прибыла в Махачкалу на расформирование. Основную часть личного состава направили на Курилы, а группа примерно в двести человек занималась еще месяца два-три ликвидационными делами. После этого мы поступили в распоряжение Бакинского военного округа. Меня направили в танковый полк, размещавшийся в Сальянских казармах на тогдашней окраине Баку, которая ныне достигла Баладжар. Формировался этот полк в Тбилиси. Поэтому подавляющее большинство личного со-

става было грузинами, а командовал нами полковник Колхидашвили. На вооружении были новейшие самоходные установки Су-152 и тяжелые танки «Иосиф Сталин». Первоначально полк предназначался для возможного отражения нападения Турции, которая, как и Япония, обещала Гитлеру вступить в войну на стороне Германии после падения Сталинграда.

В штабе полка я встретил знакомого по Ирану капитана Бондарева, который пригласил меня к себе старшиной батальона. Через несколько месяцев Бондарев познакомил меня с начальником продснабжения полка Андреем Варламовичем Склярным, который пригласил меня заведовать продовольственными складами. Предложение я решительно отверг: дело незнакомое, да и опасное. Он начал убеждать, что там, мол, есть материально ответственные лица, а ваша работа – это контроль. Больше ничего от вас, собственно, и не требуется.

– А куда уходит нынешний заведующий Церцвадзе? – поинтересовался я.

– По возрасту он подлежит демобилизации, но попросил оставить его на сверхсрочную службу. Оставлять его в прежней должности я не могу по ряду причин, а на другую он не соглашается. Поэтому мне очень нужен для его замены честный человек.

В общем, они вдвоем меня уговорили. А еще через несколько месяцев, когда на Склярного пришел вызов из Гер-

мании, меня назначили временно на его место. И тут случилось ЧП: кладовщик основного продуктового склада Георгий Уваров заявил, что у него крупная недостача. Пошли на склад разбираться. Он показал мне, что воровали так, чтобы внешне было незаметно. Кража обнаружилась случайно. При выдаче дополнительных пайков к майским праздникам 1947 года не хватило шоколада и бекона. По моему представлению командир полка разрешил взять часть этих продуктов из неприкосновенного запаса (НЗ) с последующим их возвратом в месячный срок. Воры действовали расчетливо: с внешней стороны коробка была полной, а с той, что у стены, вместо 4 банок – пустое место. Те же махинации и с шоколадом. Кража в крупных размерах. Такое количество можно увезти только на машине. Что делать? Заявлять?

– Давай, – говорю, – подумаем, как это могло произойти?

Склад размещен в бывшей конюшне. Стены каменные, высокие, вверху маленькие зарешеченные окна для света, значит, утащить могли только через двери. Но днем невозможно сделать это: дверь выходит на центральную площадку для построения полка перед разводом. На противоположной стороне – трехэтажное здание штаба полка. Рядом с дверью склада примерно такая же дверь – вход в клуб полка, самое оживленное место от подъема и до отбоя. у вечером и ночью у склада часовой с автоматом. Обновление НЗ производилось полгода назад. Уваров лично устанавливал полные ящики. После долгих обсуждений пришли к выводу: надо по

очереди ночевать на складе, взяв на всякий случай мой пистолет, и держать это в строгом секрете. В 18 часов один из нас оставался в складе, а другой, опломбировав дверь, шел в караульное помещение, расписывался в приемо-сдаточной ведомости и возвращался с разводящим и часовым для сдачи складских дверей. День работать, а ночью прятаться на мешках с крупой было очень нелегко, да и не покидали сомнения в успехе операции. Но неожиданное происшествие в полку прибавило нам сил. В размещавшемся в этом же здании рядом с нами вещевом складе тоже обнаружилась кража, причем тоже совершенно случайно. Накануне заместитель командира полка подполковник Шарипов выбрал себе сапоги, китель, брюки, фуражку, ремень – то, что положено было по срокам носки. За этими вещами должен был зайти с накладной через день его адъютант. Когда тот появился, выяснилось, что отобранные Шариповым вещи исчезли. Кладовщика взяли под стражу: днем он работал, а на ночь отправлялся на гауптвахту. Проведенная ревизия выявила крупную недостачу. Началось следствие, а мы с новой надеждой продолжили свою вахту.

Однажды заходит ко мне Уваров. Совсем убитый.

– Что еще случилось? – спрашиваю его.

Молча подал газету и сказал: читай. В газете напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1947 г. об отмене смертной казни и продлении срока заключения с 10 лет до 25 лет (вскоре жизнь заставила отменить этот указ).

– Лучше быть невинно расстрелянным, чем маяться 25 лет по тюрьмам, – грустно сказал он, когда я прочитал указ.

Я его подбодрил, тем более что, как мне казалось, появилась «ниточка». Дело в том, что, внимательно просматривая постовые ведомости, я обнаружил такую закономерность: когда третий батальон заступает в караул, один и тот же солдат охраняет во вторую смену один из складов. Несколько раз он стоял у нашего продовольственного, затем у вещевого, еще раньше у склада вооружения. В ночь с 10 на 11 июня 1947 г., оставаясь в складе, я сказал Уварову: «Сегодня заступает в караул третий батальон. Если “подозреваемый” во вторую смену дежурит у нас, дай мне знать стуком сапога в дверь. Значит, на посту. Это условный сигнал». А буквально через час после того, как Уваров сдал склад, его вызвали к замполиту, полковнику Мамаеву. Он человек в полку новый. Высокий, стройный красавец. По слухам, занимал в Москве генеральскую должность. Но за амурные дела, что тогда строго каралось, он оказался в Баку с серьезным понижением. Мамаев спросил его: «Где Валовой?» Уваров ответил: «Я не знаю, он уже уехал». – «Бери машину и ищи его». В такой ситуации Уварову нельзя было не ехать. Когда Уваров вернулся, у Мамаева сидели заместитель командира полка Шарипов и начальник штаба Казначеев. Уваров доложил, что меня не нашел. «Ну, хорошо, тогда садись и слушай, – недовольно заявил Мамаев. – Мы располагаем сведениями о том, что вы с Валовым занимаетесь хищением продуктов,

ведете развратный образ жизни. В последнее время Валового вечерами в полку никто не видел, никто не знает, где он, чем занимается. Да и вы тоже... В общем, завтра начнем ревизию склада».

Между тем, ничего не ведая об этом, я продолжал сидеть в «засаде». Но, видимо, вымотавшись за день, я уснул. Проснулся от шума: кто-то бежит с фонариками, вытаскивают что-то. Пригнув голову за мешки, я начал стрелять в полной темноте. На минуту-две все стихло, а затем послышалась автоматная очередь. Слышу, прибежал начальник караула, и часовой ему что-то объясняет. Тогда я обнаружил себя и предложил вызвать Уварова и вскрыть склад. Но тот, как выяснилось, сам прибежал на выстрелы и через дверь сообщил мне, что пломба и замок на месте. Я предложил посмотреть повнимательнее, как они могли пролезть в склад. Лаз обнаружили сразу. Дверь легко выходила из паза и с помощью ломика, висевшего рядом на пожарном щите, ее снимали с навеса и отводили назад. В результате внизу образовалась большая дыра, в которую можно было вытаскивать все, что угодно.

Часовой так объяснял ситуацию: «Я на минутку отошел к другому караульному, но услышал шорох, тотчас вернулся и, увидев эту дырку, понял, что туда кто-то проник, поэтому стал стрелять». Как только началась стрельба, дежурный по полку объявил тревогу, и к моменту вскрытия склада появилось начальство. Когда включили свет, увидели убитого.

Одна из моих пуль настигла преступника в тот момент, когда он присел за барьером перед выходом. Что касается пуль часового, то они «прошили» мешки с крупой, из-за которых я стрелял. Убитый был в комбинезоне и майке. Начальник штаба Казначеев его сразу узнал. Наш сверхсрочник механик-водитель из третьего батальона. На его квартире обнаружили и украденное обмундирование, и остатки шоколада и бекона, и вещественные доказательства посущественнее: два пистолета ТТ, числившиеся по описи на оружейном складе.

После завершения экспертизы на месте происшествия я ушел к себе в комнату отдохнуть. Где-то около часа вызвали меня к следователю, в здание штаба. Я его сразу узнал по особым приметам: низкого роста, толстый, с большой лысиной и длинным носом. Я видел его на проводах Склярова. Мы уже собрались расходиться после прощального обеда, когда появился этот следователь – подполковник, чтобы договориться о покупке автомашины у Склярова. Войдя к следователю, я представился. Он, не отрываясь от бумаг, предложил присесть. Пауза длилась несколько минут. Затем он, пронзив меня взглядом, издевательски заметил:

– Значит, выходит, товарищ Сталин смертную казнь отменил, а Валовой применил...

Он имел в виду недавно опубликованный указ. Я не мог сдерживать себя и отчеканил:

– Товарищ подполковник! Видимо, вы не знакомы с результатами экспертизы, о чем нам с вами в таком случае го-

ворить... До свидания.

Отдав честь, я развернулся и вышел. Добравшись до своей кровати, лег, не раздеваясь. Примерно через полчаса в моей комнате появились полковник Мамаев и адъютант командира полка старший лейтенант Городецкий.

Я хотел было встать, но Мамаев опередил мои намерения:
– Лежите, лежите...

Он взял стул и подсел ко мне. Пока обдумывал, с чего начать неприятный разговор, я как-то непроизвольно жалобно произнес:

– Товарищ полковник, мне очень плохо, помогите.

Он дотронулся ладонью до моего лба:

– Да у вас высокая температура...

Отправив адъютанта за дежурным врачом, поинтересовался, что у меня болит. Я рассказал о жутких болях в правом боку, мучавших меня уже более двух недель. На вопрос, почему же я не обратился в медсанчасть, пришлось объяснить, что это сорвало бы нашу засаду на складе. Недостача была бы еще больше, а в итоге невинные кладовщики получили бы солидный срок. А вчера, как мне стало известно, вы говорили Уварову о моей «развратной» жизни. Думаю, и для меня нашлась бы статья Уголовного кодекса...

– Теперь эти клеветники у меня попляшут, – прервал меня Мамаев.

Появившиеся вскоре медики поставили диагноз: запущенный плеврит. Температура 39,6.

– Сколько же ночей вы провели на складе? – поинтересовался полковник.

– Полтора месяца по очереди с Уваровым валялся на мешках с крупой. По ночам было сыро и холодно.

По распоряжению Мамаева меня срочно отправили в госпиталь. Здесь меня регулярно навещали Уваров и кладовщик вещевого склада, видевшие во мне своего спасителя. Наведался и посланник Мамаева, который сообщил, что по выписке мне предоставят месячный отпуск. Но самым неожиданным был визит довольно пожилого азербайджанца в сопровождении лечащего врача. Он оказался директором крупного военоторговского магазина в Сальянских казармах. Вот что он рассказал:

– Услышав о вашей успешной засаде, я тут же нанял милиционера на скрытые ночные дежурства. Дело в том, что в последние полгода росла недостача. Днем у всех на виду воровать не могли, ночью магазин охранял сторож, располагавшийся в стеклянном тамбуре перед входом. Уже на втором своем дежурстве милиционер стал свидетелем такой сцены: глубокой ночью сторож открывает магазин, заходит, выпивает рюмочку коньяку, закусывает, по-хозяйски медленно обходит «владения», наполняя довольно приличную кошелку, естественно, самыми дорогими товарами. Затем опять выпивает рюмку, закусывает, и уже собрался уходить, как милиционер остановил его, включил свет: «Теперь сиди, а я буду охранять».

– Сейчас в магазине все в порядке. И вот узнав, что вы в госпитале, решил навестить, лично познакомиться. Привез кагор, коньяк и всякую снедь. Кушайте с напарником, на здоровье.

Но беда, как говорится, не приходит одна. Вернувшись из отпуска, я узнал, что у нас новый начальник продовольственного снабжения – капитан Сироткин. Поскольку полк подчинялся округу, мы отправились с ним на поезде в Тбилиси для сдачи очередного отчета; он, кроме того, должен был предстать перед заместителем командующего округом по тылу. По дороге в Тбилиси в нашем открытом «купе» ехали незнакомые капитан и майор. Я залез на верхнюю полку и улегся. Сосед – капитан – спросил у своего майора:

– Вы успели прочитать новый приказ по округу?

– Нет, – ответил тот.

И тогда капитан начал пересказывать приказ командующего округом о ЧП в танковом полку. Сидевший напротив Сироткин не выдержал и заметил, что это произошло у нас. И, пересказав коротко «сюжет» событий, объявил: «Да, на верхней полке тот, кто был в засаде». Попутчики предложили пригласить меня к столу и выпить за знакомство. Сироткин объяснил им, что я не пью вообще и на эту тему не люблю говорить. Они пили всю дорогу и почти не спали.

Поезд прибывал в Тбилиси поздно ночью. Поскольку с гостиницами были проблемы, решили до утра просидеть в воинском зале ожидания на вокзале. Подобрали подходящее

место, Сироткин остался, а я вышел прогуляться. Вернувшись, застал его беседовавшим с высокой худощавой грузинкой неопределенного возраста. Она предложила переночевать у нее. «Я женщина бедная, спасибо скажу, если немного заплатите или дадите продуктами. Вчера племянник из деревни привез крепкую чачу, угощу вас». Мы зашли во двор вместе с хозяйкой и спускались по крутой лестнице в явно нежилое помещение, где стоял полумрак. Она, болтая с Сироткиным, начала готовить чай, поставила на стол чачу. Я подошел к стоявшим кроватям, очень жестким, застланным старыми простынями и каким-то тряпьем. Все это не могло не вызывать подозрений. В самом подвале никаких признаков обжитого помещения. Тем временем Сироткин уже попробовал чачу: «Ох, и жжет, крепкая». Вдруг в верхнюю дверь постучали, и женщина ринулась открывать. Но я преградил ей путь и, угрожая пистолетом, приказал сидеть. Сироткину говорю: «Собирайте быстро свой чемоданчик и уходим». Когда мы поднялись по лестнице наверх, я сделал два предупредительных выстрела и тут же открыл дверь, от которой убежали три «племянника».

Мы пошли в Дом туриста, где я прежде несколько раз останавливался, и там нашли для нас места. Так прошла эта ночь. В штабе округа я занялся сдачей отчетов, а Сироткин направился к начальнику тыла, куда вскоре звонком вызвали и меня. Когда я представился, начальник кабинета спросил:

– Вы можете показать арку двора, где был тот подвал?

Я ответил утвердительно. Позвонив в комендатуру и рассказав о нашем ночном приключении, начальник тыла попросил прислать человека, чтобы с моей помощью найти и взять под наблюдение злополучный подвал. А нам пояснил, что в городе исчезло несколько приезжих офицеров интендантской службы. Видимо, на них кто-то прицельно охотится в это голодное время, полагая, что у них есть что-то в запасе.

На следующий день меня пригласили к командующему Закавказским округом маршалу Советского Союза Ф.И. Толбухину.

– Сколько вам лет? – спросил он, когда я представился.

– В мае, во время засады на складе, исполнилось двадцать.

– А сколько прослужили?

– Три года.

Во время душевного разговора он посетовал, что и в мирное время приходится рисковать своей жизнью. Явно имея в виду тот случай на складе. Я ему объяснил, что иного варианта разоблачить грабителей не было. Далее маршал заговорил о военном житье-бытье. «Вот вы уже прослужили три года, а юноши 1928 года рождения будут призваны только осенью, когда им исполнится 20 лет. Такой порядок предписан Конституцией для мирного времени. Получается, что у нас три года не было призыва. Солдаты и сержанты 1925 и 1926 годов еще ждут демобилизации. Видимо, вам придется служить еще 3–4 года». И тут же заметил, что есть приказ

присваивать звание лейтенантов в связи с нехваткой младших офицеров сержантам, прослужившим три года и хорошо себя проявившим. «В полку вас характеризуют положительно. Проект приказа у меня на столе. Если согласны, я его подпишу тотчас же, и вернетесь в Баку лейтенантом».

Я поблагодарил за доверие, но не стал скрывать, что мечтаю получить высшее образование и мне уже разрешили поступить заочно в институт, и я буду совмещать службу с учебой. Маршал похвально отозвался о моем стремлении и пожелал успехов. К сожалению, он оказался прав: служить мне пришлось еще более четырех лет, а в общей сложности почти восемь годков. Это время равно сроку учебы в институте и аспирантуре.

Месяц спустя после нашего возвращения из Тбилиси командиру нашего полка пришло письмо от коменданта Тбилиси с просьбой объявить Сироткину и мне благодарность за содействие в разоблачении банды, на счету которой значилось немало жертв.

В начале 60-х годов в Москве я случайно встретил своего бывшего замполита полка Мамаева и уверенно окликнул:

– Товарищ Мамаев?

Он пристально рассматривал меня, пытаясь вспомнить. Я помог:

– Баку, танковый полк, Валовой...

– Тот самый?

– Так точно!

– И какими судьбами в Москве?

Я рассказал, что окончил здесь аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. Направили работать в новый журнал ЦК КПСС «Политическое самообразование».

Он на всякий случай записал мой телефон и, как бы между прочим, поведал любопытный эпизод. Когда я был в госпитале, к нему зашел свидетель моей «развратной» жизни, парторг полка, и покаялся. По его рассказам, замполит 3-го батальона пригласил его на майские праздники к знакомым, где было несколько наших полковых и десятка два незнакомых лиц, в том числе девицы. Компания собралась в доме у любовницы убитого механика-водителя. На столе изобилие спиртного и закусок. Хозяин щедро угощал. И на вопрос, откуда такое богатство, намекнул, что, мол, наши кладовщики все это продают через знакомых по дешевке, чтобы иметь деньги на дорогих проституток. Отсюда слухи о наших с Уваровым неблаговидных делах.

– Вы женились в Москве? Кто ваша жена?

– Да, в Москве. Она закончила Институт внешней торговли, работала немного во Внешторге. Потом окончила аспирантуру в Плехановке, защитила кандидатскую и пришла в Московский экономико-статистический институт на кафедру политэкономии, где я был аспирантом. Но познакомились мы раньше, в Ленинской библиотеке.

Мы поженились, я окончил аспирантуру, мне предложили в Москве работу. И от себя добавлю в продолжение: к моей

защите кандидатской жена подарила мне дочь Татьяну, а к защите докторской – дочь Марию. За год до нашего знакомства умер ее отец, генерал-лейтенант Евгений Петрович Лапшин. В молодости он был комиссаром полка, служил на Амуре на китайской границе, когда началась коллективизация, его назначили секретарем Ленинградского райкома партии Краснодарского края. В 1936 году его направили на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Во время войны выполнял важные операции. Его с командой несколько раз забрасывали в тыл врага, где он корректировал действия нашей операции. Был в Берлине задолго до прихода наших войск. Генерал-лейтенант Лапшин Е.П. награжден многими боевыми орденами. В феврале 1945 года награжден орденом Ленина, а в апреле 1945 года – орденом Отечественной войны I степени.

А мама моей жены Мария Агеевна – заслуженная учительница, пережила мужа на 30 лет. И многие годы нам звонят ее бывшие ученики, ставшие известными стране деятелями. Когда появилась первая внучка, она мечтала дожить до ее похода в школу. Но, слава богу, дожила до ее поступления в аспирантуру, а второй внучки – в Московский университет им. В.М. Ломоносова.

...Когда я наконец демобилизовался, то был уже студентом четвертого курса Заочного экономического института, и меня назначили начальником планового отдела Строительно-монтажного управления союзного треста «Азнефтеэлек-

тромонтаж». В институте нас учили: чем дешевле продукция, тем лучше! А на практике все делалось наоборот. Ради выполнения плана удорожали продукцию и стоимость работ. На линиях электропередач, где нагрузку вполне могут выдержать деревянные опоры, мы устанавливали их из стальных труб, которые в шесть раз дороже. Вместо алюминиевого провода натягивали медный, в четыре раза дороже. Но больше всего меня насторожило повторное включение в план стоимости «чужой» продукции.

Дело в том, что простые опоры для ЛЭП 6 киловольт и телефонных линий мы делали сами на объектах и включали их в стоимость в объеме выполненных работ. А сложные опоры ЛЭП 120 киловатт мы получали уже готовыми с трестовского Электромеханического завода, где они включались в объем плана завода. Мы устанавливали эти опоры и снова включали их стоимость в свой план. Стоимость таких опор составляла 50–60 процентов нашего плана. Это явная липа. Рано или поздно все это может открыться, и тогда нас по головке не погладят. Не пахнет ли здесь вредительством?.. В армии мне удалось предотвратить незаслуженную кару. А как сложится здесь? В общем, после долгих размышлений я подал заявление об уходе по собственному желанию. Начальник управления Александр Федорович Корхов внимательно выслушал меня, а затем начал успокаивать: «Так делают все, и не по злему умыслу, а ради выполнения плана и зарплаты». Он рекомендовал мне посоветоваться с главным инженером

треста Н.С. Мовсесовым, у которого есть опыт критики существующих методов планирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.